

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-36

Иллюстрация на переплете *И. Косулина*

Огинская, Купава.

О-36 Пушистая катастрофа / Купава Огинская. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-206970-3

Я — тарса. Нечисть мелкая и на первый взгляд безобидная. Не боюсь трудностей, ловко справляюсь с проблемами, могу найти общий язык с ребенком и очаровать оборотня. Даже если он мой босс.

Способна мастерски выследить преступника и виртуозно его покарать.

Я незаменима, неоценима и... о, блестяшка!

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206970-3

© Огинская К., текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

Хвост беспощадно коченел от холода, лапы примерзали к железному краю мусорного бака, но я не шевелилась. Замерла в предвкушении, гипнотизируя голодным взглядом дверь с местами вздувшейся и кое-где облупившейся серой краской.

Старенький светильник над козырьком изредка мигал, освещая широкую каменную ступеньку и притоптанный грязный снег. До стены соседнего здания свет не доставал и не тревожил темноту позднего зимнего вечера, так надежно меня укрывающую.

За этой неприглядной дверью находился мой самый сладкий сон, обеды которого по вторникам, четвергам и субботам — во время смен лучшего человека на земле — попадали на мой праздничный стол. Там находилась кухня одного довольно популярного ресторана. Самого популярного на этой улице.

Где-то внизу, в снегу под баком, лениво переругивались местные кошки. Это была их кормушка, пока о ней не узнала я. Теперь она стала нашей, что блохастые мешки костей не сильно радовало, но ничего изменить они не могли.

Я была сильнее и по законам животного мира имела право диктовать свои правила.

Заветная дверь медленно открылась, и на мороз, зябко ежась в тонкой форме официантки, выскользнула девушка.

— Кис-кис-кис, — по привычке позвала она, оглядываясь, потом увидела блеск моих глаз и улыbnулась. — А, ты уже здесь.

— Р-р-ря! — гордо подтвердила, спрыгнув с бака. Входя в круг света, я жадно принюхивалась к подносу, что держала в руках девушка.

— Вот. — В снег рядом с каменной ступенькой встали три тарелки. — Ешьте, посуду заберу минут через двадцать.

Я не понимала, зачем она это говорит, но на всякий случай невнятно твякнула, уже сунув нос в первую миску.

Ужин мой был вкусным, но скудным. Съесть все не позволяла совесть и голодные взгляды, щекочущие спину. От миски оторвалась с трудом, обернулась на бак, из-под которого на меня сверкали три пары глаз, и махнула лапой.

— Вылезайте, недоразумения.

Разрешение кошки проигнорировали и бросились к еде, лишь когда я отошла достаточно далеко. Остановившись в начале переулка, я обернулась, прежде чем выбраться на улицу, и увидела, как они жадно, с утробным рычанием заглатывают скромные подношения.

Замешкалась ненадолго, за что и поплатилась.

— Ты смотри!

Рядом со мной остановились трое мальчишек. В человеческих детенышах я совсем не разбиралась

и не могла точно сказать, совсем они мелкие или уже подростки, зато знала наверняка, что ничего хорошего от них мне ждать не стоит. От центрального, самого высокого, тощего и нескладного, с выглядывающими из-под шапки светлыми волосами, пахло недобрыми намерениями. Угрозой.

— А если рыжую шерсть поджечь, она будет гореть ярче? — задумчиво спросил сопливый пацан справа от опасного, с интересом мясника разглядывая мою шубку и вытирая нос рукавом куртки.

Я оскалилась.

— Сейчас узнаем, — решил светленький и склонился ко мне с жутковатой улыбкой. — Кис-кис-кис, уродина.

Предостерегающее шипение на него никак не подействовало, он даже ни на мгновение не замедлился, продолжая склоняться надо мной, и я побежала. Сорвалась с места, одним длинным прыжком оказавшись на безопасном расстоянии.

Детеныши не растерялись и бросились следом.

Вечер был поздний, людей на улицах было мало, недостаточно, чтобы замедлить их.

Я не могла бежать быстро, вынужденная внимательно следить, куда прыгаю: состав, которым зимой посыпали улицы, разъедал подушечки на лапах, раз почувствуешь на себе — больше не сунешься.

Редкие прохожие ругались вслед мне и несущимся не глядя по сторонам детенышам.

Долго так продолжаться не могло, мне нужно было укрытие, но закоулки я игнорировала — не была уверена, что смогу найти там спасение, зато точно знала, что выбраться на главную улицу уже не успею.

Мстительная мысль остановиться, подождать, пока кто-нибудь из гаденышей меня схватит, и прожечь ему руки до костей (хотели посмотреть, как горит рыжая шерсть, я покажу) мелькнула и пропала.

Впереди, возвышаясь над всеми прохожими, прямо рядом с козырьком здания стоял огромный мужик. Мое спасение и путь на крышу.

Я уже представляла, как вскарабкаюсь на мужика, с него перепрыгну на козырек, попаду на карниз и уже с карниза, по цветочному узору, украшавшему полуколонну, заберусь на крышу..

Но успела только вскарабкаться на широкое плечо. Потом была схвачена за шкуру и подвешена в воздухе. Мужик оказался быстрым. Еще мужик оказался волком, и мне бы стоило держаться от него подальше, только густой звериный запах я почувствовала слишком поздно.

— Хм-м-м, — глубокомысленно изрек оборотень, рассматривая меня.

Под взглядом прозрачных голубых глаз мне стало настолько не по себе, что я неосознанно поджала хвост и вцепилась в него лапками.

— Что это такое? — дрожащим голосом спросила девушка, внимания на которую я раньше не обратила.

Невероятное преступление с моей стороны: девушка с ног до головы была украшена блестяшками. Кольца, браслеты, сережки, заколки в волосах. И даже ее платье, хорошо видное из-под распахнутого пальто, было украшено искрящимися в свете фонарей камешками.

Сколько соковиц..

— Нечисть, — коротко ответил волк, продолжая меня разглядывать.

— Р-р-ря! — трусливо твякнула я, заодно поджав и задние лапы. Чтобы не дрожали.

С оборотнем ни одна здравомыслящая тарса не стала бы связываться. И я бы не стала, мне просто не повезло немножко.

— Дяденька, это хорошо, что вы ее поймали! — Светленький пироманьяк уже был рядом. Запыхавшийся и радостный, он протянул руки ко мне. — Это мое, отдайте, пожалуйста.

— Твое?

— Вернее, моей сестры. Родители на день рождения подарили. Поводок был плохо закреплен, и она сбежала. Отдайте, пожалуйста, иначе мама заругает.

Врал он мастерски, с такой жуткой верой в свои слова, что даже я поверила бы, не иди речь обо мне.

И волк поверил. С заминкой, будто сомневаясь, он опустил руку, собираясь отдать меня этому. И я осознала, что жечь сегодня все же придется.

В груди потеплело, будто кто-то на потухающие угли подул, но огонь разгорался медленно, через силу — слишком холодно было в последнее время и слишком давно я не горела. Меня это не устраивало. Я зажмурилась, рыкнула, подбадривая себя, и на мгновение забыла, как дышать. По телу прошла быстрая волна яркой боли, и я загорелась.

Волк коротко охнул и отпустил меня, я мгновенно распрямылась, собираясь приземлиться на дорожку и тут же бежать, и оказалась совсем не готова к тому, что буду поймана за хвост. За мою единственную уязвимость.

Звериная реакция оборотня проявилась очень не вовремя...

Хвост не горел, и волк мог спокойно меня за него удерживать.

— Не самый лучший подарок для девочки, — нахмурился он, разглядывая обожженную ладонь.

— Вот и папа... так считает, — растерянно пробормотал пироманьяк, глядя на меня с восторгом. Его малолетние поделники топтались в нескольких шагах позади, но я отчетливо слышала, как сопливый сдавленно выругался такими словами, которых детенышу знать не положено.

— У тебя есть защитные перчатки?

Светленький покачал головой.

— Давайте я тоже ее за хвост... пока не успокоится.

Я пожароопасная, непредсказуемая нечисть, которую взрослый ответственный человек ни при каких обстоятельствах не должен отдавать ребенку. И волк, кажется, об этом подумал, но все испортила блестяшка.

— Отдай это чудовище и пойдем. У нас осталось не так много времени, чтобы выбрать подарок для Эдит.

Рука, удерживающая меня, дрогнула.

При упоминании имени некой девицы волк резко перестал быть ответственным и собирался меня отдать. Меня, потерявшую преимущество, продемонстрировавшую этим живодерам свою уязвимость...

Я запаниковала, забыла, что не должна раскрывать свою особенность, что могу сделать только хуже, и позорно заверещала:

— Да не домашняя я нечисть, блохосборник ты плешивый! Дикая я. Ничейная! Свободная! Чтоб у тебя хвост отсох, сволочь!

Пироманьяк почувствовал, что пахнет жареным — с такими-то увлечениями у него на это дело должен был быть нюх, — и рванул прочь раньше, чем я успела сдать его и его дружков.

Вслед улепетывающим живодерам мы смотрели недолго. Я вверх лапами, волк — с непередаваемым выражением лица.

Блестяшка смотрела исключительно на меня.

— Оно... разговаривает.

— Высшая нечисть, — восхитительно невозмутимо поправил самого себя волк.

— Я еще и петь могу, но вам не понравится.

— Почему? — глупо спросила блестяшка.

— Потому что «могу» не значит «умею», — запальчиво твякнула я и попыталась лягнуть волка. — Отпусти меня, блохастый, у меня дела.

— Это у меня из-за тебя дела, — сказал он мрачно, поднимая меня на уровень глаз. — Высшей нечисти, не сопровождаемой боевым магом, запрещено находиться в черте города.

— Ди... дискриминация, — грустно выдохнула я.

— Ты точно не домашняя?

— Обижает, блохастик, я исключительно свободная личность, а что?

— Разговорчивая слишком.

С этим спорить было бессмысленно. Поговорить я любила, хотя большую часть времени приходилось молчать или односложно твякать, что было мучительно для моей общительной натуры.

Но жизнь мелких хищников легкой никогда не была, мне следовало бы радоваться, что сохранность моей шубки стоит так дешево. В конце концов, шесть лет назад разговаривать я совсем не умела — и ничего, жила как-то.

— Ну так что, не отпустишь, значит?

— Нет.

— Куда мы сейчас тогда?

— В отделение. Ночь посидишь в питомнике, а завтра порталом отправим тебя в какой-нибудь лес. К собратьям.

— На шубках я своих собратьев видела, — фыркнула оскорбленно.

В лес очень не хотелось, но лучше так, чем попасть в услужение к какому-нибудь боевому магу... или того хуже, стать академическим образцом. Повезло, что город для перезимовки я выбирала осознанно и специально проверила, нет ли поблизости академий.

Свою невероятную особенность я осознавала и потому берегла себя с особым старанием. Мелкая нечисть высшей становилась настолько редко, что за всю свою жизнь мне удалось повстречать такую лишь однажды. Мельком, в каком-то западном лесу.

Друзьями мы не стали, подрались из-за птичьей тушки и разошлись.

Только несколько месяцев спустя я запоздало сообразила, что нужно было узнать у той глупой рагры, как это получилось, как так вышло, что она себя осознала, как стала высшей?

Даже если бы в качестве платы пришлось оставить ей отвоєванную в честной драке перепелку. Не такая уж большая цена за возможность хоть что-то узнать.

К тому же мясо все равно было отвратительным на вкус, вроде как птица больной оказалась.

— У нас дела, — настойчиво напомнила блестяшка, за что я полюбила ее еще больше.

Не только сверкает вся, но и правильные вещи говорит.

— Эдит простит мне опоздание, — не очень уверенно отозвался волк. И совсем уж неуверенно добавил: — И отсутствие подарка.

Взгляд блестяшки был красноречив и красочен, но волк его искусно проигнорировал.

Подъехавшую карету и девочку, выкатившуюся из нее с криком «Папа!», проигнорировать он уже не смог.

Ровно в тот момент, как рядом с нами заржали лошади, я потухла и продолжила висеть в руках оборотня примерным смирным зверьком, хотя хвост у самого основания уже начинал болеть, а мне хотелось рычать и кусаться.

Детеныш был очарователен в своем пышном платье, но совсем не походил на отца. От светловолосого и голубоглазого волка в ребенке была разве что аристократическая бледность. Девочку она делала похожей на куколку, оборотню же придавала нездоровый вид.

Темные искрящиеся глаза нашли меня сразу.

Она выдохнула и восторженно застыла, цепляясь за пальто волка и глядя прямо на меня.

— Подарок! — решила она. — Красивый!

— Это... нет, — попытался объяснить хоть что-то оборотень, но девочка уже схватила меня за лапу и потянула на себя. Я жалобно заскулила. Не потому, что стало больно, просто представила, как больно

станет, когда меня начнут перетягивать, и не смогла сдержаться. Точно без хвоста же останусь.

Блестяшка прикрыла глаза ладонкой — и даже на ее перчатке искрилась россыпь мелких камешков.

— Осторожно, — беспомощно попросил волк, перехватив девочку за запястье. — Она опасна.

— Клевета, — тихо, чтобы слышал только оборотень, сказала я и энергично заурчала. Громко, раскатисто, как самая настоящая кошка.

Детенышу понравилось. Сдавленный восторженный визг и короткий миг свободы стали моей наградой.

Волк сдался и отпустил меня, и в следующее мгновение я уже была прижата к хрупкой детской груди.

— Спасибо.

— Без глупостей, — негромко и угрожающе велел мне волк, слабо улыбаясь дочери.

— Простите меня. — Из кареты с трудом выбралась немолодая женщина внушительных размеров. — Я говорила, что нужно ждать дома, но Эдит так хотела вас встретить. И ведь это же ее день рождения...

— Да, — рассеянно отозвался оборотень, — день рождения.

Я мурлыкала как ошалелая, старательно не замечая многообещающего взгляда. Хвостом чуяла: так просто с дочкой этот блохастый меня не оставит. Усыпит бдительность ребенка, выкрадет меня, а ей потом что-нибудь на замену подарит. Меня же вышвырнет в самый глухой и страшный лес.

Поэтому мне следовало быть к девочке как можно ближе, чтобы волк не мог и пальцем тронуть, выждать нужный момент и сделать лапы.

Глава 2

Ни мой план, ни план волка так просто привести в действие не удавалось. Детеныш не выпускал меня из рук ни на секунду. Тискал, гладил, просто таскал с собой.

Даже завтракать утром мы спустились вместе. Еще прошлым вечером помытая лично волком под чутким руководством его дочери, я и сияющая Эдит.

Говорить при девочке я опасалась, хотя порой очень хотелось попросить ее душить меня с чуточку меньшим энтузиазмом.

Блестяшки за столом не было. Носительница невероятных сокровищ оказалась не женой волка, не матерью девочки и вроде бы даже не их близкой родственницей и сразу после праздничного ужина отбыла к себе. Ее статус в этой семье был мне непонятен, но я надеялась, что мы еще встретимся и я буду достаточно удачливой, чтобы позаимствовать у нее хотя бы парочку блестяшек.

Сокровищница моя не пополнялась уже несколько месяцев, пора было это исправить.

— Эдит, зачем ты принесла ее за стол? — спросил волк, враждебно глядя на меня.

За девочку ответила ее нянька, та самая немолодая женщина из кареты.

— Она не желает разлучаться с ней ни на минуту. Если забрать, тут же впадает в истерику.

За столом воцарилась недобрая тишина.

Эдит сладко зевнула, прикрыв рот ладошкой, — спать она легла поздно, до полного изнеможения сглаживая с меня шерсть, утром встала трудно

и до сих пор не проснулась, что не мешало ей крепко меня держать. Не вырваться, не вздохнуть лишней раз.

Но, кажется, я могла бы со временем привыкнуть к этой неосознанно жестокой детской любви. Несмотря на помятые бока и зудящую от постоянных поглаживаний шкуру, спала этой ночью я в тепле и относительной безопасности, потому утром была в прекрасном настроении.

Настолько прекрасном, что ни мрачная рожа волка, ни недовольные вздохи няньки меня не тревожили.

После завтрака Эдит усадила меня на свои колени и, как ей казалось, незаметно таскала мне еду с тарелок.

Волк сначала собирался одернуть дочь, но не смог, слишком блаженное у нее было выражение лица, пока она меня подкармливала.

Я же не только досыта наелась, но и подтвердила свои подозрения: перед детенышем оборотень был беспомощен. Первый день в этом доме, а я уже нашла слабое место самого страшного местного хищника.

Мне определенно везло.

Так я думала, пока Эдит не вышла из-за стола и мы, попрощавшись с отбывшим на работу волком, не поднялись в детскую.

Мой жизненный опыт можно было назвать богатым. Я успела побыть жертвой, хищницей и даже падальщицей, но ни разу еще мне не доводилось быть куклой.

— Тебе очень идет, пушистик, — широко улыбаясь, сказала девочка, поправляя завязки чепчика на моей голове. — Сейчас мы будем пить чай.

Пока она расставляла игрушечные чашки на столике, я почесывала кружавчики на чепчике и чувствовала, как начинают болеть придавленные уши.

День обещал быть сложным.

У Эдит было много сил, много энергии, а главное — имелась убойная фантазия. И к этой фантазии прилагалась куча адских приспособлений, любовно купленных ей отцом, нянькой, блестяшкой... не важно кем, главное — детеныш был вооружен и опасен. Приспособления удачно прикидывались детскими игрушками и не вызывали у меня особых подозрений, пока мы не познакомились ближе. И теперь я знала, что первое впечатление обманчиво.

Не то чтобы я не знала этого раньше, просто после дня, проведенного с ребенком, это знание стало ярче, больше... глубже, что ли. Как и нелюбовь к кружевам и персиковому цвету.

Волк вернулся вечером, за час до ужина.

Он был очень рад видеть выбежавшую встречать его дочь и совсем не был рад болтающейся у нее под мышкой мне.

Обменявшись тяжелыми взглядами, мы решили просто друг друга игнорировать.

* * *

Достижением сегодняшнего дня можно было считать то, что я пережила все испытания, не повредившись рассудком, и мисочку с едой, стоявшую теперь у правой ножки стула детеныша.

Ужинала я сама, несмотря на обиженное сопение моей жутковатой хозяйки, и еда от этого казалась еще вкуснее.

И ночью, сумев выскользнуть из ослабевшей хватки детских рук, я смогла сама пройти по коридору второго этажа. Почувствовать, как тянет сквозняком над самым полом, как лапы мягко и тихо ступают по ковру, а когти вязнут в коротком ворсе, и увидеть, как косая линия света из приоткрытой двери перечеркивает пол и стену, разрезая почти пополам висящую там картину.

Из щели пахло зверем, усталостью и неуловимым терпким запахом чего-то алкогольного. Чтобы почувствовать все это, мне пришлось подобраться к самой двери.

Отступить, поджимая лапы, вернуться в спальню детеныша, поднырнуть под тонкую руку и уснуть у меня уже не получилось.

— Входи, — велел волк, почувствовав мое присутствие.

Я замешкалась, сомневаясь в том, что мне стоит подчиняться. Оборотень поторопил:

— Мне долго ждать?

— Ты, блохастик, мной не командуй, у меня другой хозяин, — с трудом выдавила из себя я это наглое заявление. Быть самоуверенной и дерзкой под внимательным взглядом волка было сложновато.

Я проскользнула в кабинет, приблизилась к столу, за которым сидел оборотень, и с трудом забралась на столешницу, чуть не уронив на себя малахитовый треугольник пресс-папье. И все это в гнетущей тишине.

— Чего хотел? — спросила опасно, запоздало заметив, что в свете единственного зажженного светильника волк выглядит как-то по-особенному злоюще.